

сценическое творчество Щепкина. С. Т. Аксаковъ сказалъ прекрасно о Щепкинѣ: „Талантъ Щепкина преимущественно состоитъ въ чувствительности и огнѣ“. Любопытно, что эта особенность проявилась съ полной отчетливостью для самого Щепкина при первой же пробѣ его таланта въ присутствіи профессиональной актрисы. Семнадцатилѣтнимъ юношей, накануне перваго дебюта въ курскомъ театрѣ Барсовыхъ, Щепкинъ читалъ роль Андрея-почтаря актрисѣ Лыковой. Онъ всталъ, чтобы начать чтеніе и... „Какой-то *огонь* пробѣжалъ по всему моему тѣлу,—разсказываетъ онъ въ „Запискахъ“ — это былъ не страхъ, нѣтъ, страхъ не такъ выражается, это былъ просто внутренній огонь, *спрашный огонь*, отъ котораго я едва не задыхался, но со всѣмъ тѣмъ мнѣ было такъ хорошо и я только что не плакалъ отъ удовольствія“. Запаса этого огня Щепкину хватило на всю жизнь. Говоря о представленіи „Благороднаго театра“ Загоскина, С. Т. Аксаковъ замѣчаетъ, что „роль Любскаго, который съ начала до конца находится въ тревогѣ и волненіи, горячится, выходитъ изъ себя, могъ играть только Щепкинъ съ его *неистощимымъ запасомъ огня*, не замѣняя крикомъ внутренней горячности, не дѣлаясь однообразнымъ“¹⁾.

Огненностью игры Щепкинъ глубоко потрясалъ зрителей и въ драматическихъ и въ комическихъ роляхъ. Зрители уже заранѣе испытывали волненіе, и полная тишина наступала въ театрѣ, когда знали, что сейчасъ прозвучать тѣ слова пьесы, которыми Щепкинъ всегда съ электрическою силой ударялъ по сердцамъ. Такой эффектъ, по свидѣтельству современниковъ, всегда производила, наприм., заключительная сцена въ пьесѣ „Матрость“ (шедевръ Щепкина), когда Щепкинъ, приблизясь къ авансценѣ, задумчиво и полушопотомъ произносилъ:

„Безумецъ, ты забылъ, что время,
Какъ шкваль, рветъ жизни паруса“... и т. д.

Слова эти относить къ себѣ матрость, послѣ 20-лѣтняго отсутствія посѣтившій родину, гдѣ все измѣнилось безъ него и рушились всѣ его прежнія привязанности.

¹⁾ Гоголь, посылая Щепкину комедію „Дядька въ затруднительномъ положеніи“, писалъ ему: „Нечего вамъ и говорить, что ваша роль—самъ дядька, находящійся въ затруднительномъ положеніи, *роль ажитации сильной*“.
(Письмо Гоголя къ Щепкину отъ 10 августа 1840 г.)